

ЕКАТЕРИНЕНШТАДТ: ВЗГЛЯД НА РОДИНУ ПРЕДКОВ ИЗ ЭНГЕЛЬССКОГО АРХИВА

История Екатериненштадта – Марксштадта, крупнейшего немецкого населенного пункта в Поволжье и России/СССР в целом, давно привлекает внимание исследователей. Обращался к данной теме и автор этих строк, посвятив родине своих предков в 1991 г. газетную статью, а в 1994 г. – доклад на научной конференции.¹ Статья была основана на воспоминаниях моих близких и личных впечатлениях от первых поездок в нынешний город Маркс весной 1991 г., доклад, дополненный и размещенный на нашем сайте И.А. Гербером, – на доступной мне в то время литературе.

К сожалению, ни я, ни другие авторы публикаций о Екатериненштадте – Марксштадте практически не основывались на архивных материалах, без чего говорить о серьезном изучении истории, конечно же, не приходится. Мне давно хотелось восполнить этот пробел, и весной 2007 г. я, наконец, смог выкроить время для работы в Энгельском архиве, где меня интересовала в первую очередь история Екатериненштадта – Марксштадта.

Как оказалось, в Энгельском архиве «Немцы Поволжья» хранится огромное количество документов по интересовавшей меня теме, однако они разбросаны по множеству архивных фондов и дел. Для серьезной проработки всех этих материалов нужны месяцы, даже годы. Столько времени у меня в запасе не было, но выручило то, что сведения по дореволюционному Екатериненштадту сосредоточены в нескольких основных фондах, в первую очередь – в Фонде 341 (Екатериненштадтское волостное управление). Эти фонды я успел изучить довольно основательно, и потому моя нынешняя работа посвящена жизни Екатериненштадта до 1917 г.

Прежде всего, отмечу, что в архиве хранится несколько обзорных исторических справок, с содержания которых я и начну свое изложение.² Так, в этих документах утверждается, что первые немецкие поселенцы прибыли на место расположения своей будущей колонии 24 июня 1767 г., и с тех пор эта дата считается днем основания Екатериненштадта. Везли их по Волге из Костромы, где они провели предыдущую зиму.

Первоначально колония располагалась в южной части будущего Екатериненштадта – от Волги до улицы Александровской (в советский период и по сей день – улица Энгельса). Вокруг села возвышался земляной вал, предназначенный для защиты от набегов кочевых киргиз-кайсаков, т.е. казахов. Вал, называвшийся Kirgiserschanze («киргизское укрепление»), тянулся вдоль будущей улицы Прямой (ныне Бебеля). За валом был возведен деревянный забор с воротами и шлагбаумом, убраным только в 1851 г. Все дома в колонии, не считая одного кирпичного, были деревянными. Ее площадь составляла около 1 кв. км (для сравнения: в 1928 г. площадь Марксштадта была уже в 6 раз больше).

Первым колонистам выдавали от казны для обзаведения на одну семью: 2 лошади, корову, соху, борону, топор, железную лопату, бурав, русскую одноупряжную телегу, а также денежную ссуду и семенную пшеницу. Самые

зажиточные колонисты смогли расплатиться с казенными долгами в 1795-1820 гг. Остальные продолжали выплачивать в счет долга по 1 рублю с каждого работника ежегодно, пока к 1845 г. весь долг екатериненштадтцев не был погашен.

Первым форштегером (сельским старостой) колонии стал 37-летний Христиан Шпренгер, парикмахер из Дармштадта. Этому человеку явно не повезло: многие поволжские колонии были названы именами своих первых форштегеров, но Шпренгер такой почести не удостоился. Екатериненштадт решили назвать в честь российской императрицы – где уж было соперничать с ней простому гессенскому парикмахеру! С его далеким потомком Паулем Шпренгером, женатым на двоюродной сестре моего отца, я часто общался в Кемерово в 70-80-х годах. С последним екатериненштадтским форштегером мы находились в более близком родстве – им был мой дед Иоганн Адам Дизендорф.

Екатериненштадт издавна делился на 2 примерно равные части – северную (Unterstadt) и южную (Oberstadt). Эти названия могут показаться парадоксальными, ведь Unterstadt расположен выше по течению Волги, а Oberstadt – ниже. В действительности здесь все закономерно: Oberstadt находится на небольшом возвышении, Unterstadt – соответственно в низине. Их разделяла центральная улица Екатериненштадта, поначалу называвшаяся Reichstrasse, т.е. Государственной или Имперской. Позднее она получили название Steppenstrasse (Степная) – улица тянется от Волги в заволжские степи. А в советские времена центральная улица, как и подобало, удостоилась имени Ленина, которое она носит и поныне.

Указанное разделение имело и конфессиональную подоплеку: лютеранские жители Екатериненштадта чаще селились в его южной части, а реформатские (кальвинистские) – в северной. Поскольку все известные мне предки жили в Unterstadt, я прихожу к выводу, что они изначально были в основном кальвинистами, а не лютеранами. Эта грань окончательно стерлась лишь в 1905 г., когда объединились два местных евангелических прихода – Süd-Katharinenstadt (лютеранский) и Nord-Katharinenstadt (реформатский).

На 1 мая 1798 г. в Екатериненштадте насчитывалось уже 164 семьи, состоявших из 606 человек. Кроме того, здесь временно проживали 54 семьи (127 человек). Среди постоянных жителей было 96 лютеранских семей (59%), 38 реформатских (23%), 30 католических (18%).

Профессиональный состав трудоспособного населения был очень необычным для земледельческой колонии: рабочих – 191, крестьян – 145, ремесленников – 46. Но в том-то и дело, что Екатериненштадт, как свидетельствует уже его название, был задуман в качестве городского, а не сельского поселения. Эти амбициозные и совершенно нереалистичные планы обернулись драмой для его некрестьянского населения, которое поначалу составляло здесь подавляющее большинство. Только десятилетия спустя проблема, так или иначе, разрешилась – «лишние люди» постепенно переквалифицировались в крестьян, разъехались (в основном в близлежащий Саратов) или попросту умерли.

К началу 1842 г. население Екатериненштадта возросло до 2764 чел., т.е. в 4,6 раза по сравнению с 1798 г. К этому периоду в Екатериненштадте получило развитие не только сельское хозяйство, но и садоводство, табаководство, а также пчеловодство. В колонии насчитывалось 29 садов, где было в общей сложности 1050 деревьев, и 46 ульев, давших 10 пудов меда. В тот год екатериненштадтцы произвели 21722 пуда табака.³

В середине XIX в. в Екатериненштадте произошли сразу 2 знаменательнейших события – возведение кирпичной евангелической церкви Св. Троицы на 1480 мест, освященной 20 мая 1851 г., и открытие памятника Екатерине II. Они не случайно практически совпали по времени: памятник был сооружен на месте деревянной евангелической церкви, построенной совместно лютеранской и реформатской общинами еще в 1807 г., заметно обветшавшей с годами и недостаточно вместительной. В Энгельском архиве хранится объемистая рукописная книга, описывающая возведение памятника императрице. Оттуда можно проследить этот процесс во всех деталях.⁴

Идея сооружения памятника была выдвинута крупными землевладельцами и священниками Екатериненштадта в январе 1847 г. Для определения места изготовления и стоимости памятника в Москву и Петербург был направлен представитель землевладельцев Петр Иванович Липперт, сын колониста-первопоселенца Иоганнеса Липперта, выходца из близлежащей колонии Боаро. После возвращения Липперта и было решено установить памятник на месте старой евангелической церкви.

В течение всего лишь месяца инициаторы собрали более чем достаточную сумму – 14492 руб. 83 коп. серебром. Колонисты относительно умеренного достатка внесли до 100 руб., а крупные землевладельцы (Миллер, Зейферт и сам Липперт) – по 1000 руб. В одном Екатериненштадте было собрано на 1 ноября 1848 г. 4403 руб. 90 коп. Свою скромную лепту в эту сумму внесли и два моих прапрадеда, Якоб Глейм и Конрад Шауфлер, пожертвовавшие из своих, очевидно, невысоких доходов по 1 руб. – не столь уж малые деньги по тем временам.

6 мая 1849 г. министр государственных имуществ П.Д. Киселев сообщил Саратовской конторе иностранных поселенцев, что 2 мая Николай I «Высочайше повелеть соизволил разрешить сооружение сего монумента». В комиссию по его возведению были назначены представители колоний Екатериненштадт, Динкель, Каменка, Красный Яр. Председателем комиссии стал П.И. Липперт. Весной 1850 г. он решил вопрос об изготовлении памятника в Петербургской Академии Художеств. Заведующий литейной мастерской при АХ, прославленный скульптор П.К. Клодт, получил за эту работу 5500 руб. серебром.

25 августа 1851 г. памятник был доставлен по Волге в Екатериненштадт, а 5 октября его установили на место. Молитвенную речь произнес при этом екатериненштадтский реформатский пастор Г. Томас. 26 апреля 1852 г. министр Киселев выразил согласие на торжественное открытие памятника 25 июня.

При этом событии присутствовали более 20 тысяч гостей из многих немецких колоний. После исполнения гимна Российской империи «Боже, царя

храни» певчие и девочки пропели будущий полуофициальный гимн Германской империи «Heil Dir im Siegeskranz». Затем выступили К.Ф.Г. Конради и А.К.А. Аллендорф – евангелические пробсты соответственно Нагорной и Луговой стороны Поволжья. После этого певчие исполнили евангелический хорал «Nun danket alle Gott». Далее выступил декан римско-католической церкви, певчие пропели «Боже, царя храни», а затем оркестр заиграл российский духовный гимн «Коль славен наш Господь в Сионе» Д.С. Бортиянского.

Фонды Энгельсского архива содержат обширные сведения о составе жителей Екатериненштадта, а также их рождаемости и смертности. Обратимся, прежде всего, к сословной структуре жителей в 1887 г.⁵ К этому моменту общая численность населения колонии составила 8720 человек, превысив уровень 1842 г. в 3,2 раза. Подавляющее большинство жителей составили при этом поселяне-собственники (бывшие колонисты) – 8192 человека (94%). Оставшаяся часть пришла на военных (отставных, запасных, солдатских жен и детей) – 225 человек, временно проживающих государственных крестьян – 135, мещан – 51, иностранных подданных – 25, духовенство – 23, дворян – 19, а также прочих лиц перечисленных сословий – 50.

К духовенству принадлежали 5 священнослужителей – 2 евангелических (братья Г.Г. Келлер и И.Т. Келлер, соответственно лютеранский и реформатский пасторы), 1 католический (патер Г. Рислинг), 2 православных.

Жители евангелического исповедания насчитывали 6420 человек (73,6%), католического – 2075 (23,8%), православного – 225 (2,6%).

К 1894 г. общая численность населения возросла до 9639 человек или на 10,5%, причем доля евангелической, католической и православной частей составила соответственно 72,8%, 23,7%, 3,5%.⁶ Как видим, удельный вес католиков практически не изменился, а православных – несколько возрос за счет лиц евангелического исповедания.

На 1899 г. число жителей Екатериненштадта перевалило за 10-тысячную отметку – 11031 человек или на 14,4% выше уровня 5-летней давности. Для села, даже крупного, это было уже многовато, но до 1917 г. Екатериненштадт так и сохранял свой сельский статус. Жители евангелического исповедания составили теперь 8044 человека (72,9%), католического – 2640 (23,9%), православного – 347 (3,1%). Следовательно, за 12 истекших лет доля лиц отдельных конфессий осталась почти неизменной.

Однако данные учета самих церковных общин рисуют несколько иную картину: на 1 января 1899 г. в евангелической общине состояли 6452 человека, в католической – 2173. Таким образом, общины «недосчитались» по сравнению с официальной численностью соответственно 19,8% и 17,7% лиц данных конфессий. Это, очевидно, связано с тем, что прием в общину осуществляется в этих конфессиях не с момента крещения, как у православных, а только после обряда конфирмации, который в то время производился в 13-14 лет.

Интересны и данные общин о числе рожденных за 1899 г.: в евангелической – 409 человек (5,1% от общего числа лиц данного исповедания), в католической – 111 (4,2%).⁷ Здесь прослеживается закономерность, давно

известная историкам российских немцев: у протестантов рождаемость была выше, чем у католиков, а семьи – более многодетными. Это находит подтверждение и в том, что доля детей до 13-14 лет была у екатериненштадтских католиков несколько ниже.

К 1913 г. общее число жителей увеличилось до 17837 человек, т.е. на 61,7% по сравнению с 1899 г. Аналогичная картина наблюдалась и в других немецких селах Поволжья – люди как бы заранее восполняли громадные демографические потери грядущих лет. Примечательны и существенные сдвиги в конфессиональном составе населения: лютеране – 65,8%, католики – 20,6%, православные – 13,6%.⁸ Эта тенденция отражает усиленный приток в Екатеринбург русских и украинцев в связи с заметным развитием промышленности, ремесла, торговли, сферы обслуживания, а также уже отмеченное отставание католиков от лютеран по естественному приросту населения.

Первая мировая война, начавшаяся в 1914 г., очень скоро прервала неуклонный быстрый рост местного населения. На 1 января 1916 г. здесь было зарегистрировано максимальное число жителей за весь период существования Екатеринбург – Марксштадта как немецкого населенного пункта – 17946 человек, что, однако, практически означало стагнацию на уровне 1913 г. (рост всего на 0,6%).

Уже в 1916 г. в Екатериненштадте, переименованном к тому времени в Екатериноград, наблюдается резкое падение рождаемости (у лютеран – до 4,0%, у католиков – до 2,4%) в сочетании с высокой смертностью (соответственно 2,4% и 1,3%). Эта тенденция дополнялась высокой общей убылью населения: в 1916 г. в Екатеринбург прибыли 640 немцев, а убыли отсюда 2832. Правда, у русского (точнее, православного) населения это явление было не столь заметно – соответственно 271 и 252 человека.

Причины этих изменений понятны: с началом войны многие мужчины были призваны в армию, ухудшилось питание населения. Последнее явление, видимо, и объясняет очень высокий отток немцев: они уезжали в другие немецко-поволжские села, где у многих были родственники и продовольственная проблема стояла не столь остро, как в урбанизированном Екатеринбург. В итоге к началу 1917 г. здесь осталось всего 15773 жителя, т.е. на 12,1% меньше, чем годом ранее, а доля русского населения возросла за это время с 13,4% до 15,3%.⁹

Наконец, в 1917 г. негативные демографические тенденции стали еще заметней. Так, рождаемость составила у немецких жителей 3,1%, смертность – 3,0%, а у русских эти два показателя практически сравнялись – по 1,2%.¹⁰

Некоторое представление о внешнем виде Екатеринбург дают сведения о численности и характере его зданий и сооружений. Так, на 1887 г. здесь насчитывалось: 885 жилых домов (деревянных – 725, каменных – 44, обожженных кирпичом – 44, полукаменных – 37, глинобитных – 35), 490 летних кухонь (деревянных – 410, глинобитных и плетенных – 80), 695 деревянных амбаров (в селении – 465, на пристани – 230), 720 конюшен (деревянных – 660, глинобитных и плетенных – 60).¹¹

Екатериненштадт был в основном деревянным, и в этом он мало чем отличался от небольших российских городов того периода. Его выделяло, однако, множество амбаров на пристани – наглядное свидетельство того, что Екатериненштадт стал крупным центром торговли зерном.

Правда, основное занятие его жителей составляла все-таки не купля-продажа зерна, а его производство. К 1894 г. екатериненштадтцы имели 13500 десятин пахотной земли, 8330 из которых было засеяно зерновыми. Незасеянные 5170 десятин были оставлены под паром, а также использовались для покосов и выпаса скота.¹²

Потому большинство екатериненштадтцев держали лошадей. В 1898 г. из 874 дворов безлошадными были только 347 и не имели никакого скота 50. Эта часть жителей явно не занималась сельским хозяйством. Остальные держали лошадей в заметном количестве: 1 лошадь рабочего возраста – 99 дворов, 2-4 лошади – 247, более 4-х – 131.¹³

Наряду с сельским хозяйством, в Екатериненштадте получили распространение различные ремесла. На 1887 г. здесь постоянно или временно работали 172 ремесленника: 25 сапожников, 24 столяра, 20 колесников, по 15 кузнецов, печников и портных, 12 валяльщиков, 10 бондарей, 8 слесарей, по 5 ведерников и 5 картузников, по 4 шорника и жестянщика, по 2 сыромятника, овчинника, красильщика, медника, переплетчика. 65 ремесленников, т.е. более трети из них (колесники, кузнецы, валяльщики, слесари, шорники, сыромятники, овчинники, красильщики), имели непосредственное отношение к обслуживанию сельского хозяйства или переработке его продукции.¹⁴

Со временем в Екатериненштадте возникало все больше промышленных заведений – заводов и фабрик. В 1887 г. самым крупным среди них по обороту (5000 руб.) был пивоваренный завод прусского подданного Г.В. Шейдера, имевший 5 мастеровых и рабочих. Далее следовали: механическое заведение Ф.Ф. Шефера (2500 руб., 11 чел.), кирпичные заводы И.Я. Вильгельми и А.Х. Лемана (по 1250 руб. и 6 чел.), мыловаренный завод И.Я. Вильгельми (500 руб., 2 чел.), овчинное заведение, арендованное М. Колпаковым (400 руб., 5 чел.), овчинное заведение Г. Малышова (300 руб., 3 чел.), горшечное заведение П. Ротэрмеля (50 руб., 2 чел.). Как видим, в промышленности трудились на тот период всего 40 мастеровых и рабочих, т.е. 0,5% екатериненштадтцев.¹⁵ Однако это было только начало.

К 1916 г. ситуация существенно изменилась. К этому времени в Екатериненштадте функционировал целый ряд предприятий, довольно крупных по тогдашним меркам: Фабрика земледельческих машин и орудий и чугунолитейный завод Торгового дома «Ф.Ф. Шефер с братьями и К^о» – 287 мастеровых и рабочих, паровая мельница Торгово-промышленного товарищества – 123, механическо-столярная фабрика И.Д. Триппеля – 46, паровая мельница Ф.Ф. Альтаха – 28, паровая мельница и лесопилка Товарищества «Мейзингер и Райт» – 24, паровая мельница и лесопилка Торгового дома братьев Сабельфельд – 19, завод фруктовых вод М.П. Шейдера – 2, а также кирпичные заводы Л.Л. Виншу и Л.Е. Гензе. В целом на данных предприятиях были заняты 529 мастеровых и рабочих, что составило почти 3%

жителей Екатериненштадта – совсем немало по тем временам, тем более для сельского поселения.¹⁶

Особое место среди местных фабрик и заводов принадлежало фабрике Ф.Ф. Шефера – самому крупному промышленному предприятию не только в Екатериненштадте, но и во всех немецких поселениях Поволжья. Начало предприятию положила слесарная мастерская с литейным отделением Ф.Н. Шефера, основанная 13 мая 1880 г. В ноябре 1880 г. она перешла во владение Ф.Ф. Шефера с братьями, а в 1882 г. была преобразована в фабрику земледельческих машин и орудий, которая с 1890 г. по 23 марта 1918 г. принадлежала Торговому дому „Ф.Ф. Шефер с братьями и К^о“.

Этому предприятию, переименованному в 1922 г. в фабрику «Возрождение», а в 1932 г. – в завод «Коммунист», отдал почти полтора десятилетия мой отец, Фридрих Адамович Дизендорф (1904-1978). Он устроился сюда «корреспондентом» (т.е., видимо, курьером) 1 ноября 1926 г.,¹⁷ к 27 сентября 1938 г. дослужился до должности заместителя главного бухгалтера и был уволен в этом качестве 1 сентября 1941 г., за 4 дня до изгнания нашей семьи из Марксштадта, «на основании Президиума Верховного Совета Союза ССР» (так гласит запись в трудовой книжке отца, хранящейся у меня).

Заметное развитие получила в Екатериненштадте и система образования. Начало было весьма скромным: так, в 1844 г. здесь функционировали всего 2 церковно-приходские школы – евангелическая и католическая, где насчитывалось 3 учителя и 590 учеников.¹⁸

На 1887 г. в этих школах было почти столько же учащихся – 616 (в евангелической – 434, католической – 182). Однако к этому моменту в Екатериненштадте появились также земская школа, где обучалось 70 мальчиков, частное учебное заведение 1-го разряда – 39 учеников, детский приют – 33 воспитанника. В Екатериненштадте преподавали и частные учителя: М.И. Эмих – 63 ученика, И.Д. Эмих – 47, Ф.В. Вейдель – 5.¹⁹

Обширные сведения о состоянии системы образования в Екатериненштадте на 1906 г. собрал лютеранский пастор И. Эрбес, в прошлом – учитель начальной школы. По его данным, из 1869 здешних детей школьного возраста (7-15 лет) около 500 не могли учиться из-за нехватки школ.

Тем не менее, в Екатериненштадте насчитывалось немало разнообразных учебных заведений, включая центральное училище (открыто в 1859 г.), где на тот момент было 8 учителей, в т.ч. 4 немца – Э. Штоль, Д. Шульд, Л. Шмидт, а также лютеранский пастор П. Кульберг, и обучалось 146 мальчиков. Кроме того, здесь функционировали 3 земские школы, насчитывавшие соответственно 110 учеников (учителя И. Маттерн, А. Вейлерт, Ю. Фишер, П. Вейнцеттель), 95 учеников (А. Шауфлер, А. Лоос, П. Вейнцеттель), 98 учеников (А. Асмус, Н. Дизендорф, Ю. Фишер, П. Вейнцеттель), церковная школа с 467 учениками (Р. Нагель, Д. Шумахер, А. Эмих), частная школа со 120 учениками (учитель-немец Я. Штолль). При этом трое из перечисленных учителей преподавали религиозные дисциплины: Ю. Фишер и А. Лоос – лютеранские, П. Вейнцеттель – католические.²⁰

Наконец, на 1916 г. в Екатериненштадте функционировали: центральное училище – 106 учеников-мальчиков, лютеранская и католическая церковная школы – 420 и 165 учеников, 4 земские школы – 223, 115, 182 и 186, министерское училище – 123, детский приют – 80, женская и мужская гимназии – 239 и 250.²¹

* * *

Повествование об истории любого населенного пункта не может быть полным без обращения к судьбам конкретных людей, которые там проживали. В случае с Екатериненштадтом мне, естественно, хотелось сделать это на примере своих предков, часть которых была в числе первопоселенцев этой колонии. Вопрос состоял лишь в том, удастся ли найти в Энгельском архиве достаточно документов, позволяющих написать об этом.

Результат превзошел все мои ожидания: я встречал упоминания о своих предках сплошь и рядом. Дело не в том, что они были в Екатериненштадте особо видными людьми. К таковым из моих предков можно отнести разве что деда Адама Дизендорфа и прадеда Корнелиуса Шауфлера, в разное время бывших соответственно старостой и заместителем старосты Екатериненштадта. Во многих архивных документах приводятся различные сведения обо всех тамошних домовладельцах.

Начну с именного списка домовладельцев и домохозяев Екатериненштадта, составленного в конце 1896 г. Из него явствует, что в то время на улице № 8 (нумерация велась со стороны Волги) к числу домовладельцев и домохозяев принадлежали мой прапрадед Христиан Яковлевич Глейм, все прадеды – Давид Христианович Глейм, Корнелиус Конрадович Шауфлер, Николай Иванович Лоос, Христиан Адамович Дизендорф, и дед Адам Христианович Дизендорф.

Читаю этот документ и вижу идиллическую картинку: 4 моих прадеда, хорошо знавших друг друга, о чем-то беседуют по-соседски в то баснословное для меня время. Поясню, что речь идет об улице, носившей до 1917 г. название Endestrasse (Крайняя), а в советский период и по сию пору – Рабочая.

Эта информация вызывает у меня подозрение, что мои предки были глубоко консервативными людьми – ведь они выбирали себе жен из числа ближайших соседок, не удосуживаясь заглянуть в поисках невест хотя бы на соседнюю улицу. К счастью, никто из перечисленных мной предков уже не узнал, что 5 сентября 1941 г. их потомкам придется покинуть родную улицу навсегда.

А вот еще один довольно любопытный документ, составленный в 1870 г. В нем перечислены семьи, относившиеся к евангелическому приходу Nord-Katharinenstadt. Среди них – семьи моих прапрадедов Иоганна Лооса и Христиана Глейма, а также прадеда Христиана Дизендорфа. В семье Х. Глейма указан 1 сын-школьник. Это, очевидно, 9-летний Иоганн Левин, младший брат моего прадеда. Стало быть, сам прадед Давид Глейм в свои неполные 15 лет школу уже не посещал – увы, более чем типичное явление для немецких колонистов Поволжья. В семье Х. Дизендорфа с образованием все было тоже в пределах тогдашних норм: его единственный сын-школьник – это мой 9-летний дед Адам.²²

Список домохозяев, датированный концом 1894 г., содержит подробную информацию о тогдашнем имущественном положении моих предков.²³

Большая семья прапрадеда Христиана Глейма состояла в то время из 5 работников и 3-х неработающих. В число работников входили, очевидно, мои прадед Давид и 16-летний дед Карл. Семья имела немало скота: лошадей и верблюдов – 4, корову – 1, овец и коз – 4, свинью. Земельный надел составлял 15,75 десятин, из которых семья в 1894 г. засеяла 11: озимыми – 2, яровыми – 9. Урожай составил в тот год 435 пудов: озимых – 120, яровых – 315. Как видим, урожайность озимых оказалась заметно выше – весьма характерное явление для засушливого Поволжья. В 1894 г. семья выплатила различных денежных сборов на 20 руб. 81,75 коп. На начало года за ней числились общественный долг в 65 руб. 70 коп., а также недоимка хлебозапасному магазину (складу) – 2 четверти 7 четвериков озимого хлеба (четверть – мера объема зерна, соответствующая 209,9 литров; четверик – 1/8 четверти) и 2 четверти 6 четвериков ярового. В течение 1894 г. был возвращен только яровой хлеб – видимо, год был для семьи в хозяйственном отношении не слишком удачным.

Если эта семья вела солидное крестьянское хозяйство, то о семьях остальных моих предков, упомянутых в документе, этого никак не скажешь. Так, семья прадеда Николая Лооса, где было 6 работников и не было неработающих, имела совсем немного скота: лошадей и верблюдов – 1, корову, мелкого рогатого скота – 1. Обладая наделом в 22,5 десятин, семья ничего не засеяла: как мы увидим чуть ниже, прадед был не крестьянином, а профессиональным мясником. За год семья выплатила денежных сборов на 6 руб. 85,5 коп.

Семья другого прадеда, Корнелиуса Шауфлера, состоявшая из 7 работников и трех неработающих, имела лишь двух коров и свои 11,25 десятин земли не засеяла. За год семья выплатила денежных сборов 3 руб. 83,5 коп. Насколько мне известно, этот мой прадед тоже не был крестьянином – он, по некоторым сведениям, торговал зерном.

Семья деда Адама Дизендорфа (прадед Христиан к тому времени уже умер), напротив, крестьянствовала. Однако к данному моменту дед, по всей видимости, уже переключился на другой вид деятельности – аренду и обслуживание постоялого двора, о котором у нас еще будет идти речь. Во всяком случае, в 1894 г. семья деда, имея 4-х работников и 7 неработающих (к этому времени у деда с бабушкой, насколько я знаю, уже родилось 8 детей, один из которых, правда, сразу же умер), вообще не держала скота и не засеяла свои 6,75 десятин земли. Положенных денежных сборов семья не выплатила, и в итоге ее общественный долг возрос за год с 43 руб. 53 коп. до 44 руб. 54,25 коп.

По договору от 26 января 1896 г. моему прадеду Николаю Ивановичу Лоосу была сдана в аренду на 3 года мясная лавка. Арендная плата составляла 261 руб. 30 коп. в год, вносить ее нужно было 1 января и 1 июля каждого года.²⁴ Постановлением малого сельского схода Екатериненштадта от 1 мая 1899 г. прадеду и еще двум мясникам отвели по их просьбе на летний период пастбище для убойного скота за р. Караман (речь шла, очевидно, о реке Малый

Караман – Большой Караман находился слишком далеко от Екатериненштадта) при условии незамедлительного внесения арендной платы в 130 руб.²⁵

Другой мой прадед, Корнелиус Конрадович Шауфлер (1843-1918), выделялся на общественном поприще. С 30 мая 1896 г. он в течение 3-х лет занимал выборную должность кандидата к сельскому старосте – в наши дни его называли бы вице-мэром Екатериненштадта.²⁶

14 июня 1902 г. екатериненштадтский сельский сход постановил незамедлительно перестроить общественные хлебные магазины (склады), перенеся их при этом на другое место. На эти нужды было безвозвратно ассигновано из общественных сумм 2300 руб. Уполномоченными и подрядчиками при выполнении данной работы были назначены прадед и еще один односельчанин. Уполномоченным выделили суточное вознаграждение по 25 руб.²⁷

Наконец, 2 апреля 1908 г. тот же сельский сход постановил: «Для присутствия при разборе дел по Закону 9 ноября 1906 г. у г. Местного Земского начальника, избрать из нашей среды ... в понятияе ... 4) Корнелиуса Конрадова Шауфлера ... людей благонадежных и с хорошим поведением».²⁸

Речь шла о знаменитом законе, положившем начало столыпинской аграрной реформе. Надо сказать, что на первых порах реализация этого закона протекала в Екатериненштадте, как и в других местах, ни шатко, ни валко. Консервативные немецкие и прочие российские крестьяне в основной своей массе не желали коренных аграрных реформ. Протоколы заседаний екатериненштадтского сельского схода того периода пестрят немотивированными отказами в ходатайствах о выделении земельного надела из общины согласно данному закону. Подобный «отлуп» получил от односельчан 8 февраля 1908 г. и мой прадед Николай Иванович Лоос.²⁹ Вот и пришлось властям обратиться за содействием к наиболее авторитетным людям из числа членов местного сельского схода.

К 1901 г. семья моего прадеда Давида Глейма состояла из 5 человек: сам прадед – 45 лет, прабабушка Доротея (урожденная Вормсбехер) – 45 лет, их дети: Карл (мой дед) – 22 года, Лидия – 16 лет, Фридрих – 12 лет. На каждую мужскую душу в Екатериненштадте выделялось тогда по 1 десятине 620 сажень наделной земли. Соответственно семья имела 3 дес. 1860 саж., держала 5 лошадей, корову, 1 голову мелкого рогатого скота. Однако работников у них было всего два (прадед и дед), и на остальных трех членов семьи (едоков) прадед запросил продовольственную ссуду – 8 пудов озимого зерна. Она была предоставлена в феврале (2 пуда), марте (3 пуда) и апреле (3 пуда) 1902 г.³⁰

В 1902 г. семья прадеда имела 3-х лошадей, 3-х жеребят, корову, козу. В то время екатериненштадтцы выплачивали обществу выгонные и пастушеские деньги: за корову – соответственно 50 коп. и 25 коп. в год, за жеребенка – 50 коп. и 35 1/3 коп., за козу – 10 коп. и 12,5 коп., за лошадь – 1 руб. (только выгонные, т.к. лошадей организовано не пасли). В итоге прадед должен был внести 5 руб. 60 коп. выгонных и 1 руб. 68,5 коп. пастушеских. Кроме того, екатериненштадтцы вносили выкупные платежи (по 30 коп. с облагаемой души), земский сбор (по

20 коп.), мирской сельский сбор. Эти платежи составили у прадеда 60 коп., 55,25 коп. и 2 руб. 5,25 коп.³¹

Семье другого моего прадеда, Николая Лооса, где были 2 мужские души, принадлежало в 1902 г. 2 дес. 1240 саж. наделной земли. Вненаделной земли прадед приобрел гораздо больше – 50 дес. Он имел лошадь и корову, и с него причиталось 1 руб. 50 коп. выгонных и 25 коп. пастушеских денег.³²

Семье прадеда Корнелиуса Шауфлера, где были 4 облагаемые души, предстояло внести в 1902 г.: выкупные платежи – 1 руб. 20 коп., земский сбор – 80 коп., мирской сельский сбор – 75,5 коп.³³

В семье деда Адама Дизендорфа, состоявшей из 5 мужских душ, было в 1902 г. 5 дес. 3100 саж. наделной земли. Кроме того, семья имела 50 дес. вненаделной земли. Из скота они держали только корову, внося за нее 50 коп. выгонных денег и 25 коп. пастушеских. Выкупные платежи семьи составляли 1 руб. 50 коп., земский сбор – 1 руб., мирской сельский сбор – 84,75 коп.³⁴

К 1906 г. семья моего прадеда К.К. Шауфлера насчитывала 4 души и имела земельный надел в 10,8 дес. За этот год ей нужно было выплатить: государственных и земских сборов – 2 руб. 96 коп., мирских и сельских сборов – 76 коп., выгонных денег – 50 коп., пастушеских денег – 87 коп. При этом выгонные и часть пастушеских (71,5 коп.) было предписано внести к 15 октября 1907 г. Прадед сделал это загодя – 29 августа, а полностью покрыл платежи в 5 руб. 9 коп. 7 ноября.³⁵

В семье деда А.Х. Дизендорфа (5 душ, 13,5 дес. земли) платежи составили соответственно 3 руб. 70 коп., 95 коп., 50 коп., 87 коп. Выгонные деньги и 71,5 коп. пастушеских дед внес уже 2 ноября 1906 г., а всю сумму в 6 руб. 2 коп. – 28 февраля 1907 г.³⁶

Семья прадеда Д.Х. Глейма (3 души, 8,1 дес.) должна была внести 2 руб. 22 коп., 57 коп., 10 р. 80 коп., 4 руб. 67 коп. Кроме того, за прадедом числилась недоимка: 10 руб. долга за счет продовольственной ссуды, полученной в 1906/07 г., 10 руб. выгонных, 3 руб. 49 коп. пастушеских. Вся сумма 41 руб. 75 коп. была внесена прадедом 10 сентября 1907 г.³⁷

В семье прадеда Н.И. Лооса (4 души, 10,8 дес.) платежи составили в 1906 г. 2 руб. 96 коп., 1 руб. 6 коп., 1 руб. 60 коп., 1 руб. 1 коп. В 1907 г. семья должна была внести: мирских и сельских сборов – 1 руб. 61 коп., выгонных – 1 руб. 70 коп., пастушеских – 1 руб. 16,5 коп. Всю двухгодичную сумму 11 руб. 10,5 коп. прадед внес 11 сентября 1907 г.

Отмечу также, что эта семья была двухконфессиональной – 2 из 4-х указанных душ в ней представляли католики.³⁸ В данной линии моих предков (и только в ней) уже встречалось это редкостное в ту пору явление: наш родоначальник, лютеранин Карл Лоос, был женат на католичке Катарине Маргарете Нульгас.

В 1914 г. семье моего прадеда К. Шауфлера (4 души) предстояло внести: государственного поземельного налога – 1 руб. 35 коп., земских сборов – 23 руб. 8 коп., мирских волостных сборов – 2 руб. 49 коп., мирских сельских сборов – 2 руб. 48 коп. У деда А. Дизендорфа (5 душ) эти платежи составили 1 руб. 68,75 коп., 28 руб. 85 коп., 3 руб. 11,25 коп., 3 руб. 10 коп., у прадеда Д. Глейма (3

души) – 1 руб. 1,25 коп., 17 руб. 31 коп., 1 руб. 86,75 коп., 1 руб. 86 коп.³⁹ Прадеда Н. Лооса к этому моменту уже не было в живых.

В 1914 г. моим предкам пришлось вносить и пожарный сбор (по 4 коп. за строение стоимостью в 100 руб.). У прадеда К. Шауфлера строения были оценены по ипотечной книге в 1540 руб., и пожарный сбор с них составил 62 коп., у деда А. Дизендорфа – соответственно 920 руб. и 37 коп., у прадеда Д. Глейма – 700 руб. и 28 коп.⁴⁰

Как видим, екатериненштадтский «частник» все более явственно «трещал под налоговым прессом» – уже за 10 с лишним лет до того, как на это явление обратили внимание писатели-сатирики И. Ильф и Е. Петров.

Самая поздняя информация о хозяйственных делах предков, обнаруженная мной, относится к июлю 1917 г. На тот момент у семьи прадеда Д. Глейма, состоявшей из 12 человек, было 33 дес. наделной земли, 7 лошадей, 4 коровы, 10 свиней, 4 головы мелкого рогатого скота. В преимущественно некрестьянской семье деда А. Дизендорфа земли и скота имелось заметно меньше, хотя размер семьи превосходит всякое воображение – 21 человек! К этому моменту громадная патриархальная семья деда уже лишилась хозяйки дома (моей бабушки Елизаветы не стало 3 июня 1917 г.), но были живы 11 их совместных детей, включая моего 13-летнего отца. Так вот, у деда Адама было в то время 28 десятин земли, 2 лошади, 5 коров, 12 свиней, 2 головы мелкого рогатого скота.⁴¹

И в заключение – еще несколько слов про самого именитого из моих предков, деда Адама Христиановича Дизендорфа (1861-1934). Мой дед был активным и дельным человеком в самых разных сферах.

Так, с апреля 1910 г. по октябрь 1913 г. он занимал выборную должность сельского старосты Екатериненштадта, с августа по октябрь 1915 г. был кандидатом в старосты, а с ноября 1915 г. по май 1917 г. – вновь сельским старостой. На посту главы администрации Екатериненштадта (Екатеринограда) моего старорежимного деда сменил уже ставленник новых властей, председатель Екатериноградского сельского исполнительного комитета Яков Иванович Бельц.

Затрудняюсь сказать, что представлял собой этот первый «постреволюционный» орган управления Екатериненштадтом. Я встречал упоминание о нем только в № 1 местной газеты «Колонист», где лаконично сообщалось, что 3 марта 1917 г. в Екатериненштадте был создан общинный комитет, взявший власть в свои руки.⁴²

В самый канун Первой мировой войны дед Адам затеял постройку деревянного амбара. Этот факт зафиксирован в списке лиц, производивших постройки в Екатериненштадте на 3 июля 1914 г., за 16 дней до вступления России в войну.⁴³ Откуда было знать екатериненштадтцам, что дни их мирной жизни сочтены и что очень скоро им будет уже не до построек?

Как я упоминал, дед Адам арендовал в Екатериненштадте постоянный двор. Правда, в последние годы арендатором значился не сам дед, а один из его старших сыновей, мой предприимчивый дядя Давид – видимо, деду, ставшему

главой администрации Екатериненштадта, не полагалось лично заниматься предпринимательской деятельностью.

Информацию об этом заведении я обнаружил в «Журнале о проверке торговых и промышленных предприятий и личных промысловых занятий в Екатериненштадтской волости, Николаевского уезда в 1918 году». К тому моменту это было чайное заведение, владельцем которого являлся Давид Адамович Дизендорф (1886-1966). Оно содержалось по промысловому свидетельству III разряда от 30 декабря 1917 г. № 56 и занимало 6 покоев (комнат). Показатели хозяйственной деятельности заведения составляли: годичная наемная плата за помещение – 1000 руб., денежное жалованье и заработная плата – 360 руб. в год, соответствующие натуральные выплаты – 800 руб., годовая выработка – 3000 руб., продажа – 5000 руб. в год, оборот за 1917 г. – 2500 руб.⁴⁴

Мой дед Адам Дизендорф умер почти 75 лет назад, но некоторые следы, оставленные им в жизни, существуют и поныне. В г. Марксе, на ул. Рабочей № 136, по-прежнему стоит дедов дом – правда, значительно перестроенный и обложенный кирпичом. Отсюда деда, моего отца и младшую отцовскую сестру, тетю Лиду, изгнали еще 17 ноября 1929 г., в ходе «раскулачивания». В том же Марксе, на ул. Ленина, поблизости от Волги я обнаружил большое заброшенное здание, очень похожее по слышанным мной описаниям на дедов постоянный двор. В Энгельском архиве хранится немало документов, подписанных дедом в качестве сельского старосты Екатериненштадта. Кстати, там я и увидел впервые подпись деда. На марксовском кладбище чудом уцелела могила деда и бабушки. Наконец, в комнате, где я пишу эти строки, висит копия с единственной сохранившейся фотографии деда.

Да, приметы жизни Екатериненштадта, оборвавшейся многие десятилетия назад, еще существуют, невзирая на все катаклизмы советского, а также постсоветского периода. Нам, потомкам екатериненштадтцев, надо только не лениться разыскивать эти приметы и, в меру своих сил, способствовать сохранению памяти о них.

*Виктор Дизендорф
Август 2009 г.*

Примечания

1 См.: Дизендорф В.Ф. Десять лет в «Возрождении». М., 2000, с. 454-457, 478-495.

2 Общественно-государственное учреждение «Государственный исторический архив немцев Поволжья в г. Энгельсе» (ОГУГИАНП). Ф. 341. Д. 151. Св. 17. Л. 49; Ф. 1831. Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 83-92.

3 Ф. 355. Оп. 1. Д. 106. Л. 6об., 8об.

4 Ф. 1831. Оп. 1. Ед. хр. 126. Л. 4-145.

5 Подсчитано по: Ф. 341. Оп. 1. Д. 79. Св. 10. Л. 35-36.

6 Подсчитано по: Там же. Д. 165. Св. 18. Л. 10об.

7 Подсчитано по: Ф. 341. Д. 211. Св. 22. Л. 22, 63.

8 Подсчитано по: Там же. Д. 470. Л. 3об.

- 9 Подсчитано по: ОАФ-Р-39. Оп. 1 о/д. Д. 702. Л. 159об., 185, 192об., 200об.; ОАФ-Р-1389. Оп. 2 о/д. Ед. хр. 175. Л. 21об., 34а.
- 10 Подсчитано по: Ф. 871. Оп. 1 о/д. Ед. хр. 116. Л. 4об., 5, 12об., 13, 15об., 17; ОАФ-Р-1389. Оп. 2 о/д. Ед. хр. 175. Л. 34а.
- 11 Ф. 341. Оп. 1. Д. 79. Св. 10. Л. 39.
- 12 Ф. 341. Д. 151. Св. 17. Л. 5.
- 13 Там же. Д. 200. Св. 21. Л. 20об.
- 14 Подсчитано по: Ф. 341. Оп. 1. Д. 79. Св. 10. Л. 39об.-40.
- 15 Подсчитано по: Там же. Л. 36, 38.
- 16 Подсчитано по: ОАФ-Р-1389. Оп. 2 о/д. Ед. хр. 175. Л. 26, 34а.
- 17 Ф. Р-889. № 1 о/д. Ед. хр. 96. Л. 9об.
- 18 Ф. 355. Оп. 1. Д. 120. Л. 22.
- 19 Ф. 341. Оп. 1. Д. 79. Св. 10. Л. 37об.
- 20 Подсчитано по: Ф. 1831. Оп. 1. Ед. хр. 299. Л. 108.
- 21 Подсчитано по: ОАФ-Р-1389. Оп. 2 о/д. Ед. хр. 175. Л. 24об.-25.
- 22 Ф. 1831. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 2, 4.
- 23 Ф. 341. Д. 151. Св. 17. Л. 32-34, 43.
- 24 Там же. Д. 200. Св. 21. Л. 70об., 110.
- 25 Там же. Д. 202. Св. 21. Л. 97.
- 26 Там же. Д. 200. Св. 21. Л. 94.
- 27 Там же. Д. 254. Св. 27. Оп. 1. Л. 266-266об.
- 28 Там же. Д. 343. Св. 38. Оп. 1. Л. 141.
- 29 Там же. Л. 116.
- 30 Ф. 341. Д. 257. Св. 27. Оп. 1. Л. 141об.-142, 291, 370.
- 31 Там же. Д. 254. Св. 27. Оп. 1. Л. 330, 385об.
- 32 Ф. 341. Д. 257. Св. 27. Оп. 1. Л. 544; Ф. 341. Д. 254. Св. 27. Оп. 1. Л. 387об.-388.
- 33 Ф. 341. Д. 254. Св. 27. Оп. 1. Л. 330.
- 34 Ф. 341. Д. 257. Св. 27. Оп. 1. Л. 327; Ф. 341. Д. 254. Св. 27. Оп. 1. Л. 329об.-330, 384об.
- 35 Ф. 341. Д. 336. Л. 167об.-168.
- 36 Там же. Л. 168об.-169.
- 37 Там же. Л. 170об.-171.
- 38 Там же. Л. 187об.-188.
- 39 Ф. 341. Д. 448. Л. 40об.-41, 41об.-42, 43об.-44.
- 40 Там же. Л. 456.
- 41 ОАФ-Р-1389. Оп. 2 о/д. Ед. хр. 175. Л. 110об.-111.
- 42 Kolonist (Katharinenstadt), 1917, 9. April.
- 43 Ф. 341. Д. 470. Л. 87об.
- 44 ОАФ-Р-1. Оп. 2. Д. 2118. Л. 94а.